

РУСОФРЕНИЯ (фрагмент)

...Когда в своей книге 2003 года «По горячим следам» я написала об антисемитизме в саратовских писательских кругах, прикрытом, как фиговым листком, лозунгом борьбы с русофобией, мне казалось, что я, что называется, «закрыла тему». Оказывается, нет. Это какое-то подобие дракона Шварца, у которого вместо срубленной головы тут же вырастает две новых. Потом был второй памфлет под названием «Пакостная газета» («Ангелы ада», 2004), где я писала о «Сталиниане» «Земского обозрения», в каждом номере которого прославлялось имя Сталина, публиковались портреты усатого генералиссимуса и призывы всем миром собирать деньги ему на памятник на Соколовой горе в парке Победы. После моего публичного выступления – уж не знаю, случайно или нет – но эта позорная вакханалия, длившаяся несколько лет, прекратилась.

И по поводу другой «пакости» – регулярных антисемитских выпадов – тоже удалось добиться принятия мер, когда министр области – председатель комитета по информации и печати И.В. Никифоров сделал газете «Земское обозрение» первое предупреждение о недопустимости разжигания межнациональной розни (достаточно двух предупреждений, чтобы закрыть газету). На какое-то – очень короткое – время они поутихли. Но потом гидра снова подняла свои головы. Так, что это, наконец, заметила не только я, но и Уполномоченный по правам человека в РФ В.П. Лукин, который в ежегодном докладе о своей деятельности написал следующее: «...Многие периодические издания, в том числе федеральные, регулярно упоминают национальность подозреваемых в совершении преступлений, изображают отдельные этнические группы как чуть ли не генетически склонные к преступным проявлениям, сообщают об открытых призывах к насилию в отношении их представителей, не сопровождая подобные призывы осуждением. По данным Московского бюро по правам человека (МБПЧ) в России издаётся свыше ста газет, открыто пропагандирующих расовую, национальную или религиозную ненависть, отстаивающих ксенофобские лозунги («Чёрная сотня», «Русская правда», «Эра России», «Я – русский» (Москва), «За русское дело» (Санкт-Петербург), «Земское обозрение» (Саратов)...».

Прокуратура Саратова, озадаченная докладом Лукина, запрашивает подшивки «Земского обозрения» за 2006-07 годы «для изучения». Кресло под главным редактором означенного издания И.Сухаревым качнулось. Тщательно маскируя взбешенность, он публикует в «Земском обозрении» (от 9 мая 2007) заметку, где разыгрывает из себя оскорблённую невинность: «Прочитав, что наше «Земское обозрение» вошло в число избранных главным официальным правозащитником страны 15-ти газет России, сначала просто удивился...». (Мне сразу вспомнилась моя заметка об И.Сухареве «Удивительное рядом» («По горячим следам» стр.238), где он вот так же удивлялся тому, что Северянина зовут, как и его, Игорем, фразе Заболоцкого «огонь, мерцающий в

сосуде» – ну сама непосредственность!)

От удивления Сухарев переходит к возмущению, отрицая очевидное: «Хочется посоветовать – даже чиновникам столь высокого ранга: прежде чем судить о прессе без лукавства, надо бы её почитать. Иначе бы знал высокий столоничальник, что никогда никакой ненависти «Земское обозрение» не пропагандировало и не будет пропагандировать. Напротив, наша принципиальная позиция заключается в необходимости национального равноправия...»

Да. Бумага, конечно, всё стерпит, не покраснеет. Ну а как же подшивкато? Или Сухарев надеется, что прокуратура Саратова в упор не увидит того, что увидели даже в Москве? Чтобы не быть голословной, привожу выдержки из номеров «Земского обозрения» за несколько лет.

«Сплотим ряды в борьбе с масонской силой тёмною, с проклятою ордой! Журнал Болкунова – на переднем крае этой войны». (20.10.04).

«Автор текста пишет: «Особая роль в развращении русских людей принадлежит деятелям культуры и телевидения... Среди её представителей редко встретишь людей с нормальной психикой и сексуальной ориентацией». Следует добавить: и с русскими родителями.

Автор журнала «Волга – 21 век» призывает предоставить массонампидерасам (кстати, хоть бы кто-нибудь объяснил Б.Глубокову, который употребляет это слово из номера в номер, что «масон» пишется через одно «с»!), поющим «хава нагила», один из островов Земли Франца-Иосифа для создания их автономии – Пидерасии...» (17.05.06).

«С экранов телевизоров русских в России продолжают «плющить» аншлагами-форшмаками, в которых резвятся лица другой малой национальности» (31.01.07).

«Есть ведь и в Саратове люди здравомыслящие. «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой с масонской силой тёмною, с поганой ордой!» (16.05.07). (Глубоков, видимо, забыл, что уже печатал эту хрень в 2004 году. Но себя любимого и повторить не грех. Тем более, если тогда всё сошло безнаказанно).

В Саратове вышла книга юмора и сатиры «Смешно сказать...». Глубоков недоволен тем, что в этой книжке высмеиваются грузины, цыгане, чукчи, русские (всё скрупулёзно подсчитал), а вот евреев практически нет! Намекает на злокозненность в этом вопросе главного составителя еврея Льва Горелика. Прочитовав отрывок из книги, где приводится шуточный монолог о пьянице-муже жительницы села с русской фамилией Богдалова, ядовито комментирует: «Так и представляешь тут Клару Новикову (Герцер) в образе тётки Сони из «Аншлага-форшмака». Почему в книге никто не потешается над евреями, позиционирующими себя в России как самые большие юмористы? Неужели если публично над ними посмеяться – сразу бдящие власти «впаяют» разжигание национальной розни? Алкогольная тема в книге почему-то привязана именно к русским...» (21.03.07).

Всё дело в том, что нормальным людям, читающим анекдоты и юморески, не придёт в голову подсчитывать, сколько раз «обсмеяли» русского, а сколько – еврея. На это способны только мозги, заикленные на этой теме. (Вспомнилось кстати, как Н.Куракин подсчитывал, сколько у меня в книге лекций («Звезда или хлеб?» 1999) упоминается поэтов еврейского происхождения: Пастернак, Мандельштам, Парнок, Ходасевич, Галич, Бродский... Нашёл, что непозволительно много: на одно-два имени больше русских. Непорядок! Да, его бы воля – он бы всех их запретил, «инородцев», чтоб не засоряли собой «русью» чистоту патриотизма).

Из статьи Б.Глубокова о новой книге стихов В.Кремера: «Средствами гротеска Кремер выявляет диссонанс между душой поэта, гражданина России, и промасоненной нечистью: соросятами, ельциноидами, демососами...» (2.05.07). Далее следуют стихи Кремера, в которых и близко нет ничего подобного. Такой же фокус Глубоков провернул и со стихами Н.Ивлиева, В.Андрюнина и многих других авторов, которым он приписывает свои патологические идеи и шовинистические пристрастия.

В начале мая в Саратове прошла акция молодёжи: покраска заборов, закрашивание всяких экстремистских лозунгов. На заборах, на стенах покрасили, а в душах, в мозгах? Кто закрасит «Земское обозрение» – «Туземское оборзение», как его окрестили в народе?

После каждого номера хочется вымыть руки. Зачем читаю? А вот для того и читаю, чтобы предъявить вам, чтобы поняли наконец и ужаснулись, какая мерзость насаждается в нашем городе. Невольно напрашивается вопрос: куда смотрит интеллигенция, культурная элита Саратова? Почему молчит?

А она не молчит. Вот что пишет в очередном номере «Земского обозрения» профессор кафедры социальных коммуникаций, кандидат наук (в прошлом – преподаватель исторического материализма), автор нескольких поэтических сборников Т.П. Фокина о том же Б. Глубокове в любезно предоставленном им ей для этого «подвале», в статье под аршинным заголовком «Приносящий культуру»: «Если говорить о Борисе Глубокове, то он представляется мне, прежде всего, культуртрегером: и несущим культуру, и являющимся её яркой, своеобразной составляющей. Моё знакомство с ним – достаточно давнее. В 1998 году Борис был первым, кто заметил мои поэтические опыты и дал им достаточно благосклонную оценку в печати. Он и сейчас следит за моим творчеством и весьма строг к нему...» (О поэтических опытах самого Глубокова можете прочесть в моём памфлете «Эксперименты и экскременты» в книге «Ангелы ада», 2004). «Но главное, что позволяет назвать Бориса культуртрегером – это его любовь ко всем мало-мальски талантливым людям и стремление помочь им состояться, оказаться «на свету», войти в круг саратовской культуры, сохраниться в памяти, с почётом отойти в мир иной и т.д. Борис как журналист и организатор неутомим и, как сейчас говорят, креативен. Он всегда в новых задумках и новых хлопотах. И чаще всего не о себе, а о других. Вернее, о другом, о Культуре!» (18.01.06).

Да, вот это панегирик. И о ком?! О безграмотном журналисте, авторе невразумительных статей, горе-поэте, обожающем Сталина и зоологически ненавидящем евреев, не пропускающем ни одного номера, чтобы не подбросить хоть малую искру в костёр национальной розни. Bravo, Тамара Петровна. Вы воспитали достойную смену.

Предвижу праведное возмущение Глубокова: «Я?! Да никогда! Да у меня друзья-евреи...». У каждого антисемита есть про запас, в качестве алиби на Страшном суде, приятель-еврей. Но это не меняет дела.

Ко всем этим выпадам и нападкам Б.Глубокова читатели уже принялись и не реагировали. А зря. Не так уж это безобидно. Сон разума рождает чудовищ. В номере газеты от 20 июня 2007 года дописались до того, что стали защищать убийц лишь на том основании, что они «славянской наружности». Вернее, возмущались, что убийцами зарезанного «инородца» назвали именно их. Вы только вчитайтесь в эти кощунственные строки: «Тут, главное, не перепутать: когда убивают Таджикскую Девочку (орфография автора), и начинаются крики о русском фашизме – это никакую рознь не сеет. Или когда убивают еврейского студента – и раввин Берл Лазар требует немедленно найти и обезвредить проклятых русских националистов – возьми с полки пирожок. А вот если вам придёт в голову такая откровенная глупость, что «кавказцы», видите ли, «зарезали русских парней» – статья 282 не дремлет».

Эта статья по «Земскому обозрению» плачет уже давно. Ну как объяснить этим людям, что у бандитов, убийц, преступников не бывает национальности! В ответ на упрёк Лукина Сухарев с вызовом заявляет: «Да, мы сообщаем о национальности преступников, как бы это ни нравилось В.П.Лукину, потому что в криминологии национальность, возраст, пол, профессия, образование преступника со времён Ломброзо, Топинарда и Гарофало – существенные характеристики для уяснения этиологии и методов борьбы с преступностью. Почему кто-то желает скрывать эту важную информацию от граждан?» Видимо, понимая неубедительность своих оправданий, Сухарев обрушивает своё раздражение на Лукина, – ты, дескать, правозащитник, ну и защищай, чего суёшься не в своё дело?

«Владимир Лукин изобрёл новый метод правозащитной деятельности: вместо защиты граждан от государства, наоборот, натравил государство на газеты! Странный какой-то защитник». Странные редактора работают в саратовских газетах, – сказала бы я. Взрыв в синагоге 7 мая – одно из следствий проводимой ими политики.

Когда я победила на Международном конкурсе поэзии «Пушкинская лира», заняв 2 место, мне вспомнилось пророчество И.Малохаткина 1995 года, когда он, отвечая на мои строки о родине

Всю тебя изграбили,
но, и обвиняя,

на луну Израиля
я не променяю, –

писал: «Обмен на Израиль не состоялся – наверное, из-за малости луны Израиля. А вот на американскую луну обмен бы произошёл» («Саратовская мэрия» 14.04.95). Я, помню, тогда ответила ему пародийными стихами в своей книге «Публичная профессия», в эссе «Люблю я критиков моих»:

Родину едва не променяла
на Израиль, хоть его луна
по сравненью с нашей весит мало,
там не больше шекеля она.
В США она поболее будет всё же.
Если так прикинуть на зубок
то на доллар там луна похожа...
Но я чист душою, видит Бог!
Необъятна – не окинешь оком –
русская луна, я в том клянусь!
И за это верно и глубоко
я тебя люблю, родная Русь.

– Вот она, американская луна! – подумала я, получив из Нью-Йорка сертификат международного общества пушкинистов. Правду говорят – пророчества поэтов сбываются. Кстати, о Малохаткине и о его патриотизме очень смешно пишет Игорь Ефимов в своей книге о Бродском «Нобелевский тунейдец» (Захаров. Москва 2005). Оказывается, известный издатель, друг Бродского и С.Довлатова, И. Ефимов учился когда-то вместе с И.Малохаткиным на литературных курсах и жил с ним в одном общежитии. Жизнь студентов была довольно бурной и насыщенной событиями, то есть пьянками, драками, разборками, в том числе и на национальной почве. Об одной из них Ефимов повествует на страницах 64-65:

«Человек десять беспорядочно махали руками, хватали друг друга, материли, давили, падали, отползали, вскакивали и снова кидались в свалку. Бывший взрывник, а ныне саратовский поэт Малохаткин, отсидевший в лагере за то, что взорвал своего начальника, порывался покончить раз и навсегда с казахским поэтом Файзуло Хабибуло за проявленную тем неблагодарность, за недооценку влияния русской культуры. («Мы вас, дикарей, ложку учили держать, а вы, суки-падлы...»). За неимением взрывчатки он махал пудовыми кулаками, расшвыривал тех, кто пытался остановить его. Я прыгнул на него сзади, вцепился в локти, потащил прочь. Хабибуло бился в руках армянского поэта Саакяна, пытаюсь дорваться до горла своего врага. Откуда-то выпрыгнула Тамара и вцепилась Саакяну в волосы. Мелькнуло минутное изумление: «Почему на Саакяна? Она же должна быть за своего собутыльника, за

Малохаткина, против Хабибуло?» Но ещё через минуту я понял: она была против тех, кто разнимал.

Не выпуская дёргающегося Малохаткина (у него уже был разбит нос, и, кажется, он не очень рвался продолжать драку), я зарычал и...». Обрываю цитату на самом интересном месте и отсылаю любопытствующих к книге. В другом месте там упоминается Малохаткин уже в более спокойном контексте как сидящий тихо на лекции о Пушкине. Лекция была так хороша, что «даже Малохаткин и Хабибуло забыли свои историко-национальные распри и сидели тихо». Жаль только, ненадолго. Перечитывая фразу Малохаткина: «Мы вас, дикарей, ложку учили держать», я вспомнила фильм Э.Рязанова «Небеса обетованные», тот эпизод, когда герой В.Невинного, задуренный идеями общества «Память», разъярённый, распаренный, с огромной толстой ряхой во весь экран, тыча пальцем в маленького скорбного еврея Карцева со скрипочкой, вопил: «Они убили нашу культуру!!!» Всё это было бы смешно, когда бы не было так гнусно.

Просматривая саратовскую прессу, находишь массу примеров подобной русофрении, приобретающей уже в известных кругах, «близких к писательским», характер эпидемии. Особенно позабавила меня заметка в «Богатее», где рассказывалось о судебном процессе между двумя саратовскими национал-патриотами В. Сосниным (в своё время осуждённым за «разжигание межнациональной розни») и А. Зазыбиным, его общественным защитником. Соснин, будучи в тюрьме, написал доверенность Зазыбину на своё имущество, а вернувшись, обнаружил в квартире пропажу редких книг, одной из коллекций и крупной суммы денег. Зазыбин, оказывается, засчитал себе всё это в качестве гонорара, с чем Соснин не согласился. Казалось бы, обычная, говоря зёковским языком, «бытовуха», распря на тему «вор у вора дубинку украл». Но нет. Дело получило политическую окраску, так как, цитирую: «в качестве подоплёки данного конфликта каждая из сторон видит связи оппонента с евреями. В одном случае речь идёт о «еврейских корнях» в родословной, в другой – о тайной финансовой поддержке «патриотической деятельности оппонента». Одним словом, если в кране нет воды...

А вот ещё смешнее. «Земское обозрение» вдруг решило усомниться в происхождении Александра Пушкина. Ну не могут они примириться с тем, что у «нашего всего» – нерусские корни! И начинают копать: «Тревожит однобокое изучение родословной А.С.Пушкина, где выделяется более всего генеалогическое древо по линии матери... Для широкой общественности малоизвестна линия отца... Также не изученным остаётся вопрос отцовства Осипа Абрамовича Ганнибала. Существуют письма, в которых Ганнибал доказывал Императрице и Сенату, что Надежда – НЕ ЕГО ДОЧЬ (орфография автора). Как говорят в народе, – только женщина знает, от кого родила...» (22.06.05).

Бедный Пушкин. «Земское обозрение» предпочло бы видеть его скорей незаконнорожденным, но со «славянским типом лица», который у него якобы

был в действительности, нежели «ненашим» потомком. Вспоминается, как Пушкин жаловался Дельвигу: «Бывало, что ни напишу – всё для иных не Русью пахнет...».

Неловко напоминать этим людям общеизвестные истины: русская литература – понятие не национальное, а сверхнациональное, не этническое, а полиэтническое, не племенное, а кафолическое. Великие писатели России несут в генах вселенское взаимодействие: Толстой, Блок, Цветаева знали о своих немецких корнях, Достоевский – о литовских, Пушкин – об эфиопских, Державин – о монгольских, Жуковский – о турецких, Лермонтов – о шотландских, Тютчев – об итальянских, Некрасов – о польских, Ахматова – о татарских... Суть, смысл, пафос русской культуры выше национальных перегородок. Этого никак не могут понять и принять наши русофрены. П. Вяземский писал: «У многих любовь к Отечеству заключается в ненависти ко всему иностранному». Патриотизм «Земского обозрения» – именно тот случай. А между тем Е.Евтушенко в своём знаменитом «Бабьем яре» писал:

О русский мой народ! Я знаю, ты
по сущности, интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.
Как подло, что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!
Ничто во мне про это не забудет!
«Интернационал» пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.

Но произойдёт ли это когда-нибудь в России? Сомневаюсь. Пока любовь к Родине будет восприниматься через призму шовинизма, пока под видом национального самосознания, поисков русских корней будут проповедоваться расистские взгляды, пока культурой будут вестись такие как Сухарев и Глубоков, пока будут процветать и бесчинствовать черносотенные газеты, а народ – безмолвствовать, а интеллигенция – потакать...

Не так давно я получила письмо от одного заключённого колонии строгого режима. Он пишет, что когда они готовились к встрече со мной и репетировали стихи из моей книги, у них возник спор, как их читать: «Мы поспорили о том, как следует читать последнюю строку третьего столбца. Я читал её с сарказмом, а мои оппоненты – с пафосом:

Некогда бескрайняя, безбрежная,
а теперь сужаются края.

Бедная, безбожная и грешная,
родина крошечная моя.
Говорят, кишишь ты инородцами,
сбилась с особого пути,
наводнилась Галичами, Бродскими,
так что даже вброд не перейти.
Самое последнее прибежище
для того, кто пьёт и кто убьёт.
Пусть для заграницы ты посмешище,
а для нас – держава и оплот.
Боль незаживающая,
мутная и ежеминутная в груди.
Родина, беспутная, валютная,
ты за всё, за всё меня прости.

Вы правы, говоря: «И то, что я сказать хотела, вы понимаете не так». Крепко живёт в людях великодержавное... Невольно вспомнишь Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающая ложь».

Пушкина мой эпистолярный собеседник слегка переврал, но стихи мои о родине понял верно, – ну разумеется, с сарказмом! – ответила я ему. На бумаге интонацию передать трудно. Я даже изъяла потом эту строфу из стихотворения именно из опасения, что строки об «инородцах», о «державе и оплоте» могут понять «не так», то есть вне их саркастического смысла. А так, как, скажем, у Куракина: «Москва, Москва, столица россос, погрязла в инородстве ты!» Хороший скинхед из него бы получился, будь помоложе. А ещё раньше – член общества «Память», где свято блюли чистоту родословных. Квасной патриотизм по Куракину:

Счастливым, словно дар Валдая,
сизу, в зубах я ковыряю.
Промеж зубов застряла масса –
из русских щей говяжье мясо!

Как же можно выковыривать – ведь русское же! Это ж святое. В своей давней заметке «Русские идут» («Ангелы ада» 2004) я прошлась по поводу неумеренного употребления этого слова в названиях книг саратовских авторов («Русский вопрос», «Русский день», «Русский бал», «Русское небо»). Надо ли объяснять, что патриотизм не измеряется количеством употребления слова «русский» на единицу текста, которое в ином контексте звучит неуместно, нелепо, смешно: «Я сын отца, я русский слишком», «небо тревожное, русье», «славянское небо – не знаю бездонней», «почему эскалоп и лангет не заменят мне русский обед» и т.д.

В одном из интервью Инна Лиснянская вспоминала о своём детстве, о

том, как приехала в пионерский санаторий, и там был начальник, который всё время говорил: «Вы не просто дети, а вы – наши, советские дети. Вы едите не просто капусту, вы едите нашу, советскую капусту. Вы нарушаете не просто тишину, а нашу, советскую тишину». Кто-то написал слово из трёх букв в уборной, и начальник сказал на митинге: «Дети, вы портите не просто уборную, а нашу, советскую уборную». И тогда из шеренги вышел мальчик: «Дядя, Вы не просто идиот, Вы наш, советский идиот!» Устами младенца... Поставь вместо «советский» – «русский» – суть от этого не изменится. Здесь точно такая же история. Только тот дядя говорил те слова от избытка патриотического идиотизма, а эти квазирусские писатели – чаще всего из прагматического расчёта: вступить в Союз, напечататься в альманахе, – это слово для «СП-шников» как пароль – свой, дескать, пустите. Как «Сезам, откройся».

Булат Окуджава говорил, что считает свои произведения частью русской культуры, но это вовсе не значит, что он относит себя к числу тех, кто убежден, будто русская культура превосходит другие. Такие взгляды он никогда не принимал. Его патриотизм – камерный, негромкий:

Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!
Не это в душах мы лелеем и в гроб с собою унесём,
а нежный взгляд, а поцелуй – любви сладкое коварство,
Кривоарбатский переулок и тихий трёп о том, о сём.

Одно время Окуджава дружил со Станиславом Куняевым, но когда однажды за границей в среде бывших москвичей-эмигрантов завели разговор о кадровых переменях в журнале «Наш современник» и о том, как благотворно сказались на его литературно-философском уровне мудрое руководство нового главного редактора Куняева, Булат опешил: «Да о чём вы говорите! Какая такая философия-литература! Они же все бандиты!»

Пока он писал о России,
не мысля потрафить себе,
его два крыла возносили –
два праведных знака в судьбе.
Когда же он стал «патриотом»
и вдруг загордился собой,
он думал, что слился с народом,
а вышло – смешался с толпой.

К так называемым «национал-патриотам» Окуджава относился с большой настороженностью и недоверием. Как-то, отложив просмотренные номера российских газет, он заметил: «Кошка – тоже патриот. Это же в конце концов биологическая особенность – «русский». Чем же тут хвастать-то? Что дышу

местным воздухом?» Патриотизм Окуджавы – не казённый, не государственный, – личностный, человеческий.

Я люблю! Да, люблю! Без любви я совсем одинок.
Я отверженных вдоволь встречал, я встречал победителей.
Но люблю не столицу, а Пески, Таганку, Шипок,
и люблю не народ, а отдельных его представителей.

В.Фрумкин вспоминал, как они прощались с Булатом перед его отъездом в эмиграцию в 74-м: «У меня была с собой моя убогая шестиструнная советская гитара, на которой Булат начертал: «Родина, к сожалению, везде». Надпись загадочна и многозначна, как и его лирика. Вначале я воспринял её как грустный намёк на то, что человек слишком уж легко привыкает к новым местам и забывает о местах родных. Много позже понял, кажется, истинный смысл булатовского напутствия: от России не скроешься, не убежишь, так и останется она с тобой, в тебе...».

Ничего, что поздняя поверка.
Всё, что заработал, то твоё.
Жалко лишь, что родина померкла,
что бы там ни пели про неё.

А А. Городницкий вспоминал, как Окуджава рассказал ему однажды кавказскую притчу о существовании патриотизма: «Пришли к сороке и спросили, что такое родина? «Ну как же, – ответила сорока, – это родные леса, поля, горы». Пришли к волку и спросили у него, что такое родина. «Не знаю, – сказал волк, – я об этом не думал». А потом взяли обоих, посадили в клетки и увезли далеко. И снова пришли к сороке и задали тот же вопрос. «Ну как же, – ответила сорока, – это родные леса, поля, горы...». Пришли к волку, а волка уже нет – сдох от тоски».

Но вам сквозь ту бумагу белую
не разглядеть, что слёзы лью,
что я люблю отчизну бедную
как маму бедную мою.

Истинный патриотизм – некриклив, ненавязчив. Это целомудренное чувство. Им не размахивают, как флагом на демонстрации. Подобно поэту Роману Тягунову, сказавшему: «Я никогда не напишу о том, как я люблю Россию», Борис Рыжий писал:

Как некий, скажем, гойевский урод
красавице в любви признаться, рот
закрыв рукой, не может, только пот

лоб леденит, до дрожи рук и ног
я это чувство выразить не мог,
ведь был тогда с тобою рядом Бог.
Теперь, припав к мертвеющей траве,
ладонь прижав к лохматой голове,
о страшном нашем думаю родстве.
И говорю: люблю тебя, да, да! –
до самых слёз, и нет уже стыда,
что некрасив, ведь ты идёшь туда,
где боль и мрак, где илистое дно,
где взор с осадком, словно то вино...
Иль я иду, а впрочем – всё одно.

Вот это истинное чувство любви к родине. Что у него общего с напыщенным краснобайством Куракина: «Ты ещё нужен России – взвихривать вёрсты дорог!»? И так уже напылил достаточно.

Е.Мартынова разразилась огромной статьёй в «Деловой газете» во славу куракинского гения «На просторах русского вопроса», которую потом продублировала в «Литературной России», значительно расширив за счёт поношения Кравченко. (Одна колонка – о Куракине, и три – обо мне). Начинается она пафосно и проникновенно: «Ценность патриотического начала... видится мне неоспоримой. Ведь патриотизм – это тоже талант, по нынешним временам редкий. Вроде бы и спорить не о чем. С талантом не спорят. Его признают. Ан нет... Вышедшая в минувшем году книга Николая Куракина «Русский вопрос» («Саратовский писатель» 2004) вызвала бурю в супротивном лагере».

Вся «буря» – это мой памфлет о стихах Куракина «Бредит сивая кобыла» (у страха глаза велики). Не буду повторяться – я уже всё сказала, что думаю об этих велеречивых виршах. Но вот только один примерчик: строки, над которыми проливает слёзы умиления Е. Мартынова, можно сказать, программные строки Куракина, увековеченные в патриотической песне:

Я иду по Руси. Отыщу ли тот дом деревенский? (Давно, стало быть,
не был на родине – Н.К.)

Воспалённая память давно и надсадно болит.
И раскрывши глаза всякий раз как-то очень по-детски,
тут и там узнаю мне родные черты.

Как хотите, но я не могу удержаться от смеха над этой фразой: «и раскрывши глаза всякий раз как-то очень по-детски...». Так и видишь этого калику перехожего, одним глазом восторженно обзревающего родные просторы, а другим – не забывающим при этом украдкой смотреться в карманное зеркальце: «очень по-детски я раскрыл глаза на этот раз или не очень, ах ты, мордашка этакий!» У Куракина, впрочем, это фирменное, – о чём

бы он ни писал, о любви к Родине ли, к женщине ли, на кого бы и на что бы он ни смотрел – он во всём видит себя, любимого: «Гляжусь я в твой профиль ахматовский», «и в светлый глянец локонов гляжусь я зачарованно»... Одним словом, «гляжусь в тебя, как в зеркало» (привет певцу Ю. Антонову).

Верная сподвижница и ученица Куракина Е. Мартынова рьяно бросается на защиту любимого учителя от моих насмешек. Лучшая оборона, как известно – нападение.

«Гражданское начало поэзии Н. Куракина встречает у Кравченко решительный отпор. Оказывается, пугают её исконные русские ценности. Та самая триада «Соборность. Православие. Народность» вызывает у критикессы прямо-таки припадок оскорбительного сарказма. Главное для неё – камня на камне не оставить от патриотической поэзии».

Термин «патриотическая» для Мартыновой – прямо охранная грамота какая-то, фетиш, священная корова. А что, «патриотическая» поэзия не может быть бездарной? А вот Михаил Кульчицкий писал: «Я б запретил декретом Совнар-кома писать о Родине бездарные стихи». Да не русскую нацию я высмеиваю, а безграмотных виршеплётов, не Россию я ненавижу, а антисемитов и националистов. Это далеко не одно и то же.

Уважаемые профессиональные патриоты Саратова, бряцающие этим словом на каждом шагу, как шпагой, теперь вот добившиеся своего официального праздника «День патриота» 31 июля, на котором опять будете произносить слова, слова, слова... А где же ваши дела? А что вы сделали для своего города? Для тех людей, которые в нём живут или жили когда-то? Кому помогли, кого поддержали? В чём на деле проявляется ваш хваленый патриотизм? Давно ли вы были – и были ли вообще когда-нибудь – на могиле вдовы великого русского поэта Н. Некрасова, которая находится на Воскресенском кладбище в самом плачевном состоянии? Я звонила в музей Чернышевского – там открестились: мы не ухаживаем, не должны. А мне казалось, что именно этому музею логично было бы позаботиться о могиле вдовы («жены и друга Некрасова», как значится на табличке) поэта, который всегда помогал жене, а потом вдове Чернышевского, всю жизнь слал ей деньги, поддерживал его семью. Может быть, это должно стать заботой местного Союза писателей? Куда там. «Для этого нужны средства». Да руки нужны всего-навсего. И совесть. И часа три свободного времени – оторвать его от выпивки на благое дело. На словах-то легче родину любить.

А могли бы – хоть раз в месяц! – проводить творческие вечера поэтов в своём просторном помещении. Да не для собственного развлечения, с банкетом в конце, а для всех саратовцев, с объявлениями в прессе. Чтобы каждый имел шанс показать людям своё творчество. А слушатели – любители поэзии, а не ангажированное жюри – могли бы сами для себя решить, кто действительно поэт, а кто лишь патриот. Ведь есть очень талантливые авторы – и я знаю их, – которые к своему несчастью – или счастью – не входят в тусовки Амусина, Александрова, Куракина, в число друзей Макеевой и Ёлшиной, и потому им

никогда не пробиться ни на сцену, ни на страницы альманахов, ни в местный эфир. А может быть, они-то как раз и составят гордость русской культуры. Дайте им эту возможность – хотя бы раз в году! Вот это и было бы патриотическое дело.

Пишу и сама понимаю тщетность и наивность своих слов.

Россию любит – кто ей служит,
кто за неё пойдёт на плаху,
а не позёр, что бьёт баклуши
и рвёт у ворота рубаху.

Бродский в одном из интервью сказал: «Я всегда полагал, что человеческое существо должно определять себя в первую очередь не этнически, не расой, не религией, не мировоззрением, не гражданством и не географической ситуацией, но, прежде всего, спрашивая себя: «Щедр ли я? Лгун ли я?»

Ещё Н.Карамзин писал: «Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело – быть людьми, а не славянами».